

Воспоминания

Деревенское детство

О первом сентября, первой учительнице и первом уроке

Людмила Коновалова

Читатели «ММ» знакомы с самодельным автором Людмилой Коноваловой. О её восьми книгах и создании семейной родословной редакция рассказала в очерке «Семейная сага Людмилы Коноваловой». Документальный рассказ из книги «Родословная. Память», воскрешает не только события 73-летней давности, но и воссоздаёт атмосферу тыловой жизни советской деревни в годы войны.

Памяти Анастасии Чистяковой

Сынишка эвакуированной из блокадного Ленинграда Наташи ходит с деревенскими детьми в школу, что в соседнем селе Обаниха. Наташа учит женщин:

– Надо выступить на колхозном собрании. Это не дело ходить за четырёх километрах. Есть райком партии, там поймут. Пусть председатель колхоза Никифор Иванович, Микеша, пробивает важный вопрос.

В прошлом году надеялись, но у Микеша своя песня: в райкоме, мол, не поддерживают. Вот у женщин и лопнуло терпение. Расселись они полукругом прямо на жнивье. Развязали узелки свои. Какой-никакой, но «хлеб» на лебеде, с кашками клевера. Хорошо, если на картошке. Лук зелёный, огурчики, помидорчики, молоко в бутылочках. Обедает. Подъехал на своей лошаёдке Микеша.

Женщин не узнать. Настроены решительно. Загадали, и всё об одном. Мол, надеялись, что война не сегодня-завтра закончится. Но уже третий год воюют наши мужики. А сколько их похоронено в чужой земле!

– Голод, холод переживаем и

переживём, но как малышню за четыре километра посылать. Обувки нет, одежонка поизносилась. Дети голодные, да и опасно. По полям рыщут голодные волки.

– Давай, Никифор Иванович, пробивай в районе школу.

Но в 43-м школу не открыли. Микеша слова не сдержал. Лето 1944 года. Председатель колхоза привёз в деревню учительницу. 17-летнюю, маленькую, заморённую голодом выпускницу педагогического техникума Анастасию Ивановну. Председатель заранее договорился с Катей, что учительница будет у неё квартировать. Изба обыкновенная. Потолки, полы тесовые. Стены проконопачены мхом. Катя – вдова. Муж погиб в первый год войны. Обговорили условия: 30 трудодней в месяц за квартиру и за квартирнотку. Дом был построен до войны родителями Кати и молодым мужем. На века. Да не пришлось пожить в нём молодому хозяину. Думал ли он, что в его доме будет школа. Председатель с учительницей покатали на лошади в Обаниху – собирать школьное оборудование. Директор школы дала несколько столов и доску. В деревне Большая Свеча директор дала несколько столов, списанных парт и две доски.

Никифор Иванович призвал стариков, которые могли пилить, строгать, и вместе с подростками школьную мебель спешно ремонтировали, красили. К новому учебному году школа была готова.

Женщины не единожды добрым словом вспоминали Наташу. Они неграмотные, наши деревенские, даже слова-то «эвакуированная» не могли усвоить. Но Наташу уважали. Это она учила «жать на Микешу», выступать на колхозных собраниях. Блокаду сняли, и весной Наташа с детьми уехала в свой Ленинград.

Август 1944 года.

– А завтра я в школу иду! – запрыгнула я на крылечко к крестной.

– Давай, давай учись! Вот, мы не читать, не писать не учились. Некогда было, да нас никто и не учил. Школ-то не было.

А когда школу открыли в соседней деревне, мне уже 16 исполнилось, я замужем была, какая уж тут учёба.

Мама тихо выговаривала мне:

– Не бегай ты к ней, не бери ей сердце. Одна она осталась. Ни сына, ни мужа. У нас, слава Богу, и отец, и братики твои Коленька и Боренька воюют.

В первый год войны на Рождество Христово получила моя крёстная одна за другой похоронки на сына и мужа. Саня чуть рассудка не лишилась. В 36 лет за одну ночь стала седой.

31 августа 1944 года. Ясный и радостный день. День необыкновенный для нас и матерей. Вечером, придя с полей, они будут спрашивать своих чад: что да как? Ведь сами женщины сплошь неграмотные. Некоторые могут расписаться, а другие и этому не научились, и ставят крестик вместо подписи. Поэтому открытие школы в деревне Зайцево для родителей ещё больший праздник, чем для нас, несмышлёнышей.

Напишут на фронт о такой радости: в Зайцеве открыли школу.

Ученики толпились у школьного крыльца – Катиной избы. Анастасия Ивановна вышла в синем ситцевом платьице с белым воротничком. Ну, точь-в-точь, как школьница из букваря. Она робела перед нами, посматривала в свой журнал и называла учеников по именам и фамилиям.

Пришли все. Кто босичком, кто в обуви, подталкивая друг друга, зашепили наши ножки по свежесмытым некрашеным ступенькам высокого крыльца. Прошли через сенцы, зашли в избу. Учительница стала рассказывать. Мы, первоклассники, сели за настоящие парты в первом ряду. В простенке висела доска. Сбоку рассаживались ребята из второго и третьего классов, на задних партах разместились четвероклассники. И доска у них была своя.

– Запомнили свои места? – спрашивает учительница. – Завтра, 1 сентября, я выйду из этой двери, – показала она на дверь в кухню, завешенную по-деревенски шторой из льняной двухполосной ткани. – Вы встанете. Так приветствуют учителя и старших. Кричать «здравствуйте» не надо. Хотите спросить, поднимайте руку. Хозяйку будете звать Катей. На кухне есть чашки с гирькой. И Катя звоном колокольчика будет давать нам сигнал на урок и с урока. В каждом классе будут дежурные. На большой перемене Катя накормит вас горячим завтраком.

– Вот это новость! Да в школу только из-за горячего завтрака можно ходить, – радовалась я. – А учительница объясняла дальше – Разучим гимн Советского Союза, и перед началом занятий будем петь.

Анастасия Ивановна продиктовала слова первого куплета: «Давайте попробуем спеть». Торжественным голосом, насколько ей позволяло её хрупкое тело, начала петь, дирижируя руками: «Союз нерушимый республик свободных сплотила на веки великая Русь...»

Старшеклассники подхватили гимн. Слова я не знала, да и петь, кроме частушек, ничего не умела. В это время к крыльцу подъехал председатель колхоза. Он аж про-

лезился, услышав слова гимна. Анастасия Ивановна засмушалась. Председатель принёс бумагу для тетрадей: старые газеты и какие-то ведомости. Учительница с благодарностью приняла и обратилась к ученикам:

– Учитесь прилежно, матерям помогайте. Скоро научитесь читать, сами будете писать письма на фронт.

А председатель помял фуражку в руках и, обратившись к нам, сказал:

– Скоро война кончится. Построим новую школу. И хлеб будет.

Да неужели будет хлеб, и мы будем есть досыта?

Идёт четвёртый год войны

Вот и первый наш урок. Стоим, поём гимн. Потом учительница раздаёт карандаши, ручки, тетради, нашитые Катей из газет и бланков. Несколько тетрадей в косую линейку достались старшеклассникам. Нам, первоклассникам, не дала – рано. Все ждали большой перемены – первого горячего завтрака.

После первого урока Катя вытащила чугунок на загнётку, чтобы похлёбка поостыла. Потом, подхватив чугунок прихваткой, вынесла на сдвинутые столы тёпленькую похлёбку и разливала суп в миски. Раздала по одному куску хлеба. Мы молча ели вкусный картофельный суп-похлёбку с поджаренным луком.

Катя сама пекла хлеб, конечно, наполовину с картошкой. Иногда выносила чугунок с картошкой в мундире. Но это было нечасто. Такое расточительство председатель колхоза не позволял. Муку и все продукты Катя получала по накладной с колхозного склада. Ей хватало работы: она готовила чернила из сажи, наливая в конусные чернильницы, которые вставлялись в отверстие парты. Вечером мыла, так как чернила густели и высыхали. Чтобы школьники не наделали клякс, утром наливала свежие.

Я любила макнуть перо в пузырёк Маньки, которая приносила из дома химические чернила. Они золотом отливают на солнце. Пишу, а потом, резко повернувшись, макая в Манькин пузырёк. Если удачно, то продолжаю писать химическими, красивыми. Снова поворачиваюсь. Манька двумя руками резко хватает пузырёк, и чернила разливаются по её тетрадке. Она ревёт в голос. Анастасия Ивановна наказывает – ставит меня к доске. Строгая она была. Каждый день в течение двух месяцев стояла я перед классом, отбывая наказание за Манькины чернила.

5 ноября 1944 года Анастасия Ивановна навестила мою маму, называла её по имени, отчеству – Любовь Сергеевна. Оказалось, что учительница – ровесница нашему Бореньке, с 1926 года. Мама рассказала, как она ездила к сыну в госпиталь:

– А ведь ему тоже 18-й годок. Ещё и жизни-то не видел. А в первом бою ранен, в семнадцать-то лет, – рыдала мама. – Из госпиталя его на-

правили в Литовский полк. Пишет, зимой воюют на лыжах, в белых маскировочных халатах.

Мама просит Анастасию Ивановну прочесть, хотя знает текст наизусть. Это было последнее письмо брата. Материнское сердце чуяло неладное. В декабре 1944 года её любимый Боренька пропал без вести.

Учительница вспомнила, какой голод она пережила, когда училась в техникуме: «Всегда хотелось есть, даже во сне».

Потом заговорили обо мне.

– Вроде она не была неслухом-то. Ужо ещё поговорю, – пообещала мама.

На следующий день, 6 ноября, праздник. Мы идём в гости в Свечу – соседнюю деревню к тётке Сане, младшей маминной сестры. У неё четверо детей. Уже ходит ножками маленький Коленька, Миля и Фаина примерные ученицы. И на Рафаила учительница, чать, не ходит жаловаться. И мама рассказывает мою историю.

Сидим мы за длинным обеденным столом, едим пироги с картошкой, суп хлебаем. Миля и Фаина дали мне стеклянную чернильницу-непроливашку. А продавец сельпо обменял на яйца пять химических карандашей. Домой бежим по раскисшей дороге, которая превратилась в сплошную снежную кашу. А мы такие счастливые! Теперь у нас были химические карандаши. Я, расцепив карандаш, аккуратно строгаю ножичком сердцевину. Мама ссыпала порошок в бутылочку, заливая горячей водой, взбалтывала и процеживала в чернильницу. Я не могла нарадоваться – у меня единственной чудесная чернильница. Непроливашка моя!

Осень. Слякотно на Скорбящую. А у меня такой свет в душе, даже спать не хочется. Скорей бы утро.

Сияющая, как новый гривенник, появилась в школе с непроливашечкой с химическими чернилами. Протянула Маньке:

– На, махай, махай, сколько хочешь! Я не жадная.

Манька макать не стала. Зато вся ребятня потянулась к моей чернильнице.

– На вас не наберётся, – бросила я и спрятала чернильницу.

Учительница наказывала меня больше всех, но я всё равно её любила. И Катю любила, и школу. Первая приходила в класс. Мне нравилось помогать техничке. Она заправляла керосиновые лампы, я помогала чистить стёкла. Две лампы Катя вешала на стенки для освещения школы, одну уносила к себе на кухню.

К Новому году мы переехали в новую школу. Анастасия Ивановна повесила стенгазету № 1. Я светила лампой, а Катя читала. Оказалось, что я – хорошая ученица. Я – хорошая?

Может, Катя нарочно так прочитала? А она строчки показывает. Ведь это моя непроливашка принесла радость. И я перестала обзывать Маньку жадиной.

© Людмила Коновалова

Отсутствие оборудованных классов – не повод пропускать занятия

Добираться в соседние сёла, как правило, приходилось пешком